

УДК 94(3)

DOI 10.24411/2309-4370-2019-14208

Статья поступила в редакцию 29.08.2019

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНКОВ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ ВО ВРЕМЕНА ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО: ОДЕЖДА, ВОЕННОЕ ДЕЛО, ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ И ПРАВЫ

© 2019

Казаков Игорь Валентинович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Данная работа является логическим продолжением нашей статьи «Повседневная жизнь франков по письменным источникам во времена Григория Турского: болезни, медицина, гигиена и еда». Статья представляет собой попытку сбора и систематизации информации о материальных условиях жизни во Франкском государстве Меровингов в VI столетии в описаниях авторов-современников. Выбор темы обусловлен необходимостью составления цельной картины быта человека начала раннего средневековья, которая до настоящего времени остаётся плохо исследованной в отличие от каролингского периода. В качестве источников использованы сочинения Григория Турского, Венанция Фортуната, Сидония Аполлинария, «Хроники» Фредегара, «Книга истории франков» и другие. В статье собраны данные об одежде различных групп населения, об оружии и доспехах франков и уровне развития военного дела, о городах и городской жизни и некоторых особенностях менталитета пока наполовину варварского общества. Собранный материал позволяет утверждать, что: источники раннего меровингского периода, в отличие от каролингской эпохи, отличаются чрезвычайной скудостью данных в сфере бытописания; несмотря на довольно примитивный вид одежды, она обладала не только немалой материальной ценностью, но и имела знаковую сущность; римские города продолжали существовать на территории Галлии, но в значительной степени потеряли свой городской характер, превратившись в укрепленные центры; христианизация весьма мало повлияла на моральный облик франков; общество оставалось в значительной степени варварским, хотя отдельные черты свидетельствуют о начале складывания новой цивилизации.

Ключевые слова: Меровинги; Григорий Турский; Фредегар; Венанций Фортунат; «Книга истории франков»; повседневная жизнь; Франкское государство; раннее средневековье; одежда; оружие; военное дело; раннесредневековый город; городская жизнь; питание в средние века; Салическая правда; материальные условия; VI век.

Корпус основных источников для изучения обозначенного круга вопросов остается неизменным: это «История франков» Григория Турского (VI в.) [1], «Хроника» Фредегара (середина VII в.) [2], сочинение Продолжателя Фредегара [3], анонимная «История франков», написанная в конце VII или начале VIII в. и известная исследователям тёмных веков под названием «Liber historiae francorum» [4], а также в меньшей степени письма Сидония Аполлинария [5], «История» Рихера Реймского [6] и некоторые другие документы, созданные в пограничные с рассматриваемой временные эпохи.

Информация о внешнем облике франков VI столетия крайне скудна. «Книга истории франков», например, не может предоставить практически никаких сведений. Написанная позже описываемых событий, она грешит явными заимствованиями из более ранних источников, наполнена пространными речами, вложенными в уста Хлодвига и иных персонажей явно поздними сочинителями, и внимание авторов сконцентрировано на деяниях великих мира сего, но отнюдь не на условиях жизни. Сочинение самого Григория Турского в этом отношении едва ли более подробно.

Многочисленные упоминания «роскошных платьев» и «богатых одежд», которыми пестрят сочинения современников, вряд ли могут дать хоть какое-то представление о конкретном облике человека того времени. Описания и миниатюры каролингской эпохи на этом фоне выглядят настоящим кладом со-

кровищ. Что касается скульптурных изображений франкских королей, то все они выполнены заметно позже изучаемого периода.

Пожалуй, самым красочным и подробным можно считать описание наряда королевы Радегунды, сделанное Венанцием Фортунатом: «Она возложила на алтарь... как дар в честь Господа пурпурные одежды, драгоценные камни и украшения. Она отдала тяжелый золотой пояс на нужды бедняков. Кроме этого, придя однажды к келье святого Имье (Imiers) в своих украшенных с королевским величием одеждах, она положила на алтарь свои сорочки, браслеты, гребни, фибулы, украшенные золотом и драгоценными камнями, себе во имя своего спасения» [7, р. 13]. Если изображений и описаний одежд этого периода практически нет, то некоторое визуальное представление об ювелирном искусстве франков могут дать археологические находки, подобные тем, что были сделаны в могиле короля Хильдерика I: брошь-застёжка для плаща, браслет, кулоны в виде пчёл, служившие украшением парчового плаща, а также кольцо с именной печатью, ныне хранящиеся в Национальной библиотеке Франции. Эти и другие находки подтверждают удивительно высокий уровень ювелирного искусства франкских мастеров. Данный факт находит достойное подтверждение в трудах как отечественных, так и зарубежных специалистов [8, с. 142 сл.]. При этом рядом с названными изысканнейшими украшениями в той же могиле были найдены простые костяные и керамические подвески [9, с. 28].

Уникальным (то есть единственным хорошо сохранившимся до настоящего времени) памятником раннего средневековья, не описанным в письменных источниках, является туника-камизия (нательная рубашка) королевы Батильды, супруги Хлодвига II и матери Хлотаря III, почитавшаяся как святыня в аббатстве Шелль (ныне пригород Парижа), каковое аббатство упомянутая Батильда и основала в 656 году. В жизнеописании св. Батильды рассказывается о том, что добродетельная королева жертвовала на нужды бедных свои драгоценности, предварительно вышив их изображения на своей сорочке. Вплоть до сер. XX в. эти сведения считались малодостоверными, однако нашли материальное подтверждение после вскрытия церковной дарохранительницы из упомянутого аббатства. Оттуда и была извлечена камизия. Это простая по покрою льняная рубаха длиной 117 см с вышивкой шёлковой нитью: мы можем видеть хорошо сохранившиеся вышитые золотом и цветными нитями изображения цепи по вороту и висящего на ней креста, обрамлённого изображениями ожерелий, крестов и медальонов [9, с. 4, 25].

Также из образцов материальной культуры сохранился образец шоссов – чего-то вроде чулок, не вязаных, а сшитых из ткани, с минимальным количеством швов. Этот конкретный образец является реликвией аббатства Сен-Жермен в Юра, принадлежал аббату Монтье-Грандваль, умершему в 677 г. Шосс представляет весьма неуклюже сшитые между собой льняной носок и гетру, украшенную красными полосками. В Музее национальных древностей в Париже хранятся найденные в мервингском захоронении в Сан-Лё шоссы такого же покроя, но сшитые из кожи [9, с. 26].

Обращает на себя внимание пурпур как цвет, подчёркивающий высокое положение обладателя одежд. Так, согласно Фредегару, некий Бертоальд, призывая своего товарища к совместному выступлению на битву, говорит: «Так давай же мы оба, я и ты, оденемся в пурпурные одежды и встанем впереди всех, когда начнется сражение» [2, кн. IV, гл. 25]. По мнению Ф. Гизо, пурпурные одежды были облачением богатых франков в торжественной обстановке, а также в поединках, однако же мы вынуждены признать, что имеющихся упоминаний вряд ли хватает для всеобъемлющих выводов.

Также непременным атрибутом богатой и праздничной одежды является соответственно украшенный пояс: «Когда же Муммол стал увещевать его, чтобы не шел к ним в пышном одеянии, но лучше, вернув изготовленный из золота пояс тому, от кого он его получил, подпоясался бы своим, в котором нет блеска упомянутого металла» [4, кн. III, гл. 70].

Следует отметить, что одежда у франков – это не только способ уберечься от холода или непогоды. Она имеет знаковую сущность, и лишение человека одежды, права носить одежду, соответствующую его статусу, или замена обычной одежды на плохую воспринимается как позор или наказание [1, кн. III, гл. 35; кн. V, гл. 25, 38, 39; кн. VI, гл. 11; кн. VII, гл. 15 и др.]. «Когда королева Фредегонда увидела их, она сказала: «Это соглядатаи, и они прибыли разведать, что делает король, и донести Меровею». И немедленно, лишив их одежды, она приказала отправить их в изгнание, откуда они были освобождены на седьмой месяц» [1, кн. V, гл. 14]. «Бертахар, схватив Теодоберта, доставил в Кельн представить взору

Теодерика королевские одежды, сорванные с Теодоберта, и его кони были подарены Теодериком Бертахару. Теодоберт, закованный в цепи, был отправлен в Шалон» [2, кн. IV, гл. 38].

Подобное же значение придаётся поясу как элементу одежды свободного франка. Пояс, надетый на шею, служил знаком покорности признания и признания зависимости. Так, Фредегар сообщает о некоем Хродине, который отказался от места майордома Австразии в пользу своего воспитанника Гогона, и когда франки, послушавшись совета, избрали последнего майордомом, «Хродин первый отправился в имение Гогона в услужение Гогону, неся на шее его пояс. Узнав об этом, остальные последовали его примеру» [2, кн. III, гл. 58–59].

Вероятно поэтому одежда является вещью, соизмеримой по своей ценности, если не материальной, но сущностной, с золотом, драгоценными камнями и прочими украшениями. Её часто приносят в качестве подарка: «Когда Теодоберт приехал, Хильдеберт так его одарил, что у всех вызвал удивление. В самом деле, из дорогих вещей, как из оружия, так и из одежды и других украшений, какие должен иметь король, он подарил ему по три пары всего, столько же дал ему лошадей и чаш» [1, кн. III, гл. 24]; «Передав дочь послам готов, он (*Хильперик – И.К.*) дал за ней большое богатство. Мать ее (*Фредегонда – И.К.*) тоже принесла много золота, серебра и одежды... Также и франки доставили много подарков, одни – золото, другие – серебро, некоторые – лошадей и очень многие – одежду; каждый сделал подарок, какой мог» [1, кн. VI, гл. 45]. Одному епископу во время его путешествия нанесли в подарок столько одежды и золота, «что он с трудом смог привезти в город то, чем его одарили» [1, кн. VI, гл. 36]. Некий Сихар, спасаясь от преследования, впал в такую панику, что бежал, бросив «своё серебро и одежду» [1, кн. VI, гл. 36]. Королева Фредегонда, разгневанная на оскорбления, нанесённые её дочери Ригунте, «приказала тут же, в церкви, снять с него (*виновного – И.К.*) одежду и, лишив его платья и перевязи, подаренной ему королем Хильпериком, велела ему удалиться. Узнав о том, что из этого путешествия также вернулись и повара, и булочники, и некоторые другие люди, она приказала их избить, снять с них одежду и изувечить» [1, кн. VII, гл. 15] и т.д.

От обычной одежды могут отказаться в знак проявления покорности. Так, проигрывая Хлотарю в войне, саксы, по словам Григория Турского, передали королю в подарок одежду, скот и другое движимое имущество со словами: «Возьмите это и ещё половину нашей земли, только оставьте свободными наших жен и детей и не начинайте войны против нас» [1, кн. IV, гл. 14].

Одежда имеет и огромную материальную ценность: франки спали обнажёнными, а укладываясь спать, верхнюю одежду вывешивали у кровати, а сорочки и им подобное прятали для надёжности под подушку, желая подольше сберечь ценные вещи [9, с. 26].

Одежду дарят святым [1, кн. X, гл. 25], раздают бедным в качестве подаяния [7, гл. III], её передают по наследству и даже донашивают за прежними жёнами: «Он женился второй раз. Новая жена, как это бывает с мачехами, начала неприязненно относиться к пасынку и ругать его. Однажды, в один из праздничных дней, юноша увидел на мачехе платье своей матери...» [1, кн. III, гл. 5].

Овечьи шкуры и кожа являются одеждой бедняков и отшельников: «Виннох, человек крайнего воздержания... носил лишь овечью кожу без шерсти» [1, кн. V, гл. 21]; некий лжепророк, стремясь подчеркнуть свою святость, носит капюшон и тунику из козьей шерсти [1, кн. IX, гл. 6]. Саваны для погребения ткнут из льна [1, кн. II, гл. 5]; из обуви носят башмаки [1, кн. V, гл. 38] и сапоги [1, кн. VI, гл. 31], правда, и то и другое упоминается в применении к знатым людям: в первом случае фигурирует королева, во втором – епископ. Конкретной же информации о тканях и внешнем виде одежды, повторяем, ничтожно мало – настолько, что многие авторы, занимающиеся историей костюма, просто пропускают этот период в своих исследованиях, от истории Рима и галлов через Византию сразу переходя к Каролингской эпохе [10; 11].

Так же небогаты источники описаниями той стороны жизни, которая, казалось бы, имела для раннего средневековья первостепенное значение: войны, оружия и военного дела вообще. Авторы упоминают копья, мечи, секиры, щиты [1, кн. II, гл. 27; кн. III, гл. 15 и др. случаи], причём во время сражений франки предпочитают мечи в отличие, например, от вооружённых в основном копьями готов [1, кн. II, гл. 37].

Наиболее распространены короткие мечи, называемые «скрамасаксами»: с довольно длинной рукоятью, достаточной для двух рук, и лезвием длиной до 75 см. К ножнам такого меча привязывались ножны маленького острого ножа, служившего для резки пицци: это был единственный, в общем-то, столовый прибор для людей, привыкших есть руками. Это было оружие, без которого свободные франки старались не выходить за порог своего жилища, а вот в бою они дополнительно вооружались топором, нежно именуемым «франциска». Топор по форме напоминал молот и не нуждался в остро отточенном лезвии – его веса обычно было достаточно для нанесения смертельного удара.

В могиле неизвестного сподвижника Хлодвига, датированной примерно 500-м годом, был найден меч, варварски украшенный листовым золотом, гранатами и кроваво-красными эмальями, а знаменитый «меч Франции», принадлежавший Хильдериху I, несёт на себе солидный груз золотых украшений, почти не обработанных, призванных только впечатлять богатством и массивностью. Такого рода украшения не требовали утонченности, но должны были с первого взгляда свидетельствовать о военной удаче и мощи обладателя [9, с. 29].

Многие из воинов имеют панцири, хотя как последние выглядят, непонятно. Григорий Турский несколько раз упоминает лорику (лат. lorica), под которой обычно понимается основная защитная одежда римского легионера – обшитая металлическими пластинами кожаная куртка. Она достаточно прочна для того, чтобы защитить своего владельца от удара копьем [1, кн. II, гл. 37].

Эти панцири тяжелы настолько, что плавать в них не получается: «И вот когда подошел Гунтрамн, Муммол со стены сказал ему: «Если верность нерушима, то пусть он подойдет с одной стороны реки, а я – с другой и скажет, чего он хочет». Тогда каждый подошел к своей стороне. Гунтрамн, стоя на противоположном берегу – именно этот рукав реки находился между ними, – сказал: «Если ты хочешь, то я

переиду к тебе, ибо есть вещи, о которых нам нужно переговорить тайно». Муммол ему в ответ: «Иди, не бойся». Гунтрамн вошел вместе с одним из своих приближенных в воду. И как только тот, его приближенный, достиг рва под водой, он тотчас погрузился в воду, так как на нем был тяжелый панцирь, и больше не появился. Когда же и Гунтрамн стал тонуть и его понесло быстрой волной, один из стоявших на берегу протянул ему копье и вытащил его на берег» [1, кн. VI, гл. 26].

Богатые люди, что естественно, выглядят обычно лучше экипированными. Некий Левдаст, получивший должность графа, «входил в епископский дом в латах и панцире, с колчаном за плечами, с пикой в руке и в шлеме, при этом он боялся каждого, так как он всем был врагом» [1, кн. V, гл. 48]. Стрелы франки иногда смазывают «ядовитым соком трав, так что полученные от них раны только в виде царапин на коже или в местах не таких опасных неизбежно влекли за собой смерть» [1, кн. II, гл. 9].

Самым испытанным и потому надёжным способом взятия крепостей остаётся осада, а технология штурма сводится обычно к бесконечным попыткам сокрушить ворота при помощи таранов. «Прошло уже пятнадцать дней с начала осады, и Леодегизил готовил новые машины для разрушения города (*Комменжа – И.К.*). А были это телеги с таранами, покрытые фашинами и досками, под защитой которых продвигалось войско для разрушения стен. Но когда они приближались, то на них обрушивалось столько камней, что все, кто приближался к стене, падали. На них выливали чаны с горячей смолой и жиром, сбрасывали горшки, наполненные камнями. С наступлением же ночи сражение становилось невозможным, и враги возвращались в лагерь» [1, кн. VII, гл. 37]. После нескольких неудачных приступов осаждающие решили завалить ров вязанками из веток и сучьев, но затея не увенчалась успехом, во-первых, из-за величины рва, а во-вторых потому, что защитники города весьма умело поджигали уже наваленные кучи хвороста [1, кн. VII, гл. 37; 5, кн. III, гл. 70].

В любом случае: умение брать города штурмом находилось, как видно, ещё в зачаточном состоянии, и в особенности это касается римских городов, доживавших свой век во Франкском государстве времён первых Меровингов. Употребление термина «город» для «Истории франков» не редкость, причём Григорий Турский отличает города (*civitates*) от просто «крепостей» (*burgi, castella, castra*), хотя единственным критерием отличия служит факт местонахождения епископа. Например, Хлогион (перв. пол. V века, т.е. ещё до завоевания Галлии) жил не в городе, но «крепости, называемой Диспарг» [1, кн. II, гл. 9], и при этом такого же наименования (крепость) удостоивается большой город Дижон [1, кн. III, гл. 19].

Самое подробное и почти романтическое описание Дижона мы встречаем у того же Григория Турского. Впрочем, местоимение «самое» не вполне к данному случаю применимо, если учесть то обстоятельство, что у других авторов описания городов и чего бы то ни было отсутствуют в принципе: «Эта крепость с весьма крепкими стенами расположена в центре довольно красивой равнины; земля здесь очень плодородная и плодоносная, так что если вспахать пашню только один раз и засеять ее, то и тогда она даст обильный урожай. На юге находится

река Уш, чрезвычайно богатая рыбой, а на севере – другая речка (*Сюзон – И.К.*), которая течет под воротом, протекает под мостом и затем снова выходит из-под других ворот, омывая все укрепленное место и тихо журча, но перед воротами она с удивительной быстротой приводит в движение мельницу. Четверо ворот расположены по четырем странам света, и тридцать три башни украшают все это сооружение. Его стены в высоту до двадцати футов построены из четырехугольных плит, а верх – из кирпича; высота стены – тридцать футов, толщина – пятнадцать футов... В его окрестностях находятся прекрасные источники, а на западе – плодороднейшие склоны гор с обильными виноградниками, дающими жителям такое знатное фалернское вино, что они пренебрегают аскалонским. Старики же говорят, что эта крепость была построена императором Аврелианом» [1, кн. III, гл. 19].

Как известно, Дижон был основан значительно раньше, и Аврелиан его только укрепил, но римское происхождение города объясняет многое: количество башен и ворот, кирпич и камень как материал стен, их размеры и т.д. Очевидно, что «города», построенные франками, не могли похвастаться и сотой долей такого великолепия.

Судя по редким упоминаниям бытовых подробностей, города, по крайней мере в некоторых аспектах, сохраняют признаки, типичные для такого рода римских поселений. Так, в некоторых городах продолжают функционировать водопроводы. В частности, при осаде Вьенна в 500 г. осаждающие прошли по «водопроводному каналу», сумели отвалить большой камень, закрывающий «водопроводный выход», и через него проникли в город [1, кн. II, гл. 33]. Здесь стоит отметить, что Вьенн находится на юго-востоке Франции, т.е. тоже не принадлежит к числу «варварских» крепостей. Во время подготовки к крещению Хлодвига на улицах «развешивают разноцветные полотнища, церковь украшают белыми занавесами, баптистерий приводят в порядок, разливают бальзам, ярко блестят и пылают благовонные свечи» [1, кн. II, гл. 31].

Из римского набора удобств стоит отметить также наличие специально оборудованных отхожих мест: «Поскольку Гундоальд снискал почтение у лангобардов, Агон и Теоделинда воспылали завистью, и по их приказу Гундоальд был убит стрелой, когда сидел в нужнике» [2, кн. IV, гл. 34].

Все города имеют ворота [1, кн. II, гл. 1, кн. II, гл. 33, кн. V, гл. 41 и др.], некоторые – даже до четырех, как упомянутый выше Дижон [1, кн. III, гл. 19]. Ворота, по крайней мере в невоенное время, держат открытыми и даже без охраны: «В то время пришел из леса в город Пуатье волк, проникнув в него через открытые ворота; когда ворота закрыли, волка в самом городе обложили и убили» [1, кн. V, гл. 41]; «Внутрь города Бордо вошли волки и пожрали собак, нисколько не боясь людей» [1, кн. VI, гл. 21], и это не единичные случаи.

Самые роскошные культовые сооружения также располагаются в городах, и на их поддержание не жалеют средств: так, после пожара, уничтожившего базилику св. Мартина в Туре, по приказу Хлотаря её восстанавливают, приводят в «прежнее благолепное состояние» и покрывают оловом [2, кн. III, гл. 54; 1, кн. II, гл. 20]. Олово – материал достаточно специфический и редкий, но известно, что часовни крыли

также черепицей: «Так как епископ не хотел выдавать Бертефреда, а пытался защищать его, то воины Годегизила поднялись на крышу часовни и разобранными черепицами и балками забросали Бертефреда» [1, кн. IX, гл. 12]. Черепицу используют не только для церквей, но и при строительстве королевского дворца; в частности, крыша дворца в Суассоне была сооружена именно таким способом, причём приказ настелить черепицу исходил непосредственно от короля Хильперика [3, кн. III, гл. 43].

Основным строительным материалом было дерево, что, естественно, увеличивало опасность пожаров: «Скончался Ремигий, епископ Буржа. После его смерти сгорела от сильного пожара большая часть города, причем погибло все то, что уцелело от нашествия врагов» [1, кн. VI, гл. 39]. Причина пожаров чаще всего банальна – открытый огонь: «С наступлением утра кто-то из горожан, зажегши свечу, вошел в кладовую и, взяв оттуда масло и прочие необходимые ему вещи, оставил возле бочки с маслом свечу... Занявшись от той свечи, дом начал гореть, от него стали заниматься и другие дома» [1, кн. VIII, гл. 33].

Примитивный в целом уровень ремесла обусловил возврат к деревянному строительству, причём даже жилища королей не могли похвалиться каменными изысками. Венандий Фортунат между 560 и 570 годами так писал о «дворце» Хлотаря I: «Долой с глаз моих стены из паросского мрамора и камня. Я предпочитаю вам деревянные стены, сложенные нашим мастером. Его дощатый дворец возвышается до самых небес» [12, с. 80]. «И не только жилые постройки, – пишет С. Лебек, – но и сельские церкви, особенно в северных и восточных областях Галлии, строились из бревен и досок, а иногда просто из плетеных жердей, обмазанных глиной». [12, с. 80–81]. Основным типом сельского строения, по словам того же С. Лебека, был прямоугольный деревянный короб, бревенчатый или глинобитный, или же наполовину врытая в землю хижина. Строения этого последнего типа стали постоянными жилищами в VI веке в северных деревнях», в которых дерево заменило в качестве строительного материала камень [12, с. 85].

Железо, по-видимому, представляло собой немалую ценность; по крайней мере, Григорий, упоминая об ограблении и последующем разрушении дома некоего епископа, особо подчёркивает то обстоятельство, что дом был сбит при помощи гвоздей; при этом после того, как он был разрушен, грабители растащили гвозди, «набив ими свои сумы» [1, кн. V, гл. 4]. Ворота в усадьбе чаще всего запирают не при помощи засовов или замков, но забивая в них молотками клинья [1, кн. III, гл. 15], однако металлические запоры также имеются: «Если же он (*злоумышленник – И.К.*) произведет взлом запора или подберет ключ и, проникши таким образом в дом, что-нибудь оттуда украдет, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков» [13, титул XI. О кражах или взломах, произведенных свободными].

Мосты, устроенные франками, увы, не могут похвалиться качеством исполнения. Мост в Париже был сооружён из брёвен и был небезопасен для эксплуатации: так, некий Левдаст, достигнутый преследователями, поразил «одного из них мечом, остальными был обращен в бегство и на мосту города Па-

ризиев сломал себе ногу, попавшую между бревен» [4, кн. III, гл. 42], что стоило ему жизни.

О внутреннем наполнении жилищ известно ещё меньше. Как видно, внутреннее пространство разделено на комнаты [1, кн. V, гл. 18], чем – непонятно; в домах франков имелись кладовые [1, кн. VIII, гл. 33]; всяческую утварь хранят в сундуках [1, кн. VI, гл. 12]; оружие по старинке держат в пределах досягаемости: «Когда все заснули, Леон позвал Аттала и, после того как они оседлали лошадей, спросил, есть ли у него меч. «Нет, – ответил тот, – у меня есть только это маленькое копьё». И Леон вошел в комнату своего хозяина, взял его щит и копьё» [1, кн. V, гл. 18]. Единственное упоминание кухонной утвари мы встречаем у Венанция Фортуната: «Котелок, противень, чан, ухват, кашник, корчага, таган...» [14, с. 100], и это утварь, принадлежащая королевскому повару.

О качестве деревенских построек даёт представление Салическая правда: «Если кто увезет чужую хижину без ведома её хозяина, присуждается к уплате 1200 ден., что составляет 30 сол.» [13, титул XXVII. О различных кражах, приб. 11]. Кроме стационарных жилищ (хотя, как видно, они и не настолько уж постоянны), «История франков» неоднократно упоминает «палатки», которые ставит войско, становящееся лагерем [1, кн. III, гл. 28; кн. VII, гл. 35 и др. случаи], и они не вполне надёжны: «Но утром в том месте, где они сошлись, поднялась буря, сорвала палатки, раскидала вещи и все перевернула вверх дном» [1, кн. III, гл. 28]. О материале постройки этих палаток упоминается только единожды: «Когда я (*Григорий Турский – И.К.*) пришел, король стоял около шатра, сделанного из ветвей, и был перед ним стол, весь заставленный различными яствами и хлебом» [1, гл. V, гл. 18].

О «яствах» всегда упоминается особо. Не только одежда, оружие, но и обилие еды служат важнейшими показателями богатства человека, а частые застоля, соответственно, являются отражением его статуса и естественным времяпрепровождением. Часто есть и много пить – это неотъемлемая черта, характеризующая образ жизни сильных мира сего, и показатель уровня жизни вообще. По меткому наблюдению Ле Гоффа, «результатом плохого технического оснащения, связанного с социальной структурой, которая парализует экономический рост, было то, что средневековый Запад представлял собой мир, находящийся на крайнем пределе. Он постоянно подвергался угрозе лишиться средств к существованию. Мир жил в состоянии крайне неустойчивого равновесия» [15, с. 216]. Самое ужасное в этом царстве голода, продолжает историк, – это то, что «его владыка непредсказуем и неукротим» [15, с. 218], и в этих условиях сама мысль о продовольственном достатке превращалась в фетиш. «Чрезвычайное положение на протяжении нескольких веков было обыденной реальностью», вторит ему М. Монтанари [16, с. 10], так что если есть возможность – нужно есть и пить, иначе завтра такой возможности может уже не представиться.

«История франков» Григория Турского пестрит многочисленными примерами обжорства и пьянства, которые чаще всего описываются как нечто само собой разумеющееся, и лишь изредка, когда речь заходит о служителях церкви, порицаются: «Они (*епископы – И.К.*) так часто проводили ночи, пируя и пьянствуя, что, в то время как пресвитеры служили

утреню, они требовали себе чаши и пили вино. Они не помнили больше о боге и совершенно не вспоминали о своих обязанностях. С наступлением утра они вставали из-за стола, надевали ночную одежду и, погружившись в сон от вина, спали до трех часов дня. У них были и женщины, с которыми они оскверняли себя. Затем они вставали и мылись в бане, и возлегли за пиршественным столом, и поднимались из-за него вечером, а затем насыщались ужином до самого того времени, о котором мы сказали выше. Так они поступали каждый день до тех пор, пока их «не настиг гнев Божий», о чем мы собираемся рассказать впоследствии» [1, кн. V, гл. 18]. Франки пьют много, часто не зная меры. «Случилось так, – пишет Григорий, – что епископ построил на городской стене террасу. И когда однажды он спускался оттуда после вечерней трапезы, он оперся рукой на диакона, диакон же был так пьян, что с трудом мог идти. Рассердившись, не знаю за что, на слугу, шедшего впереди со светильником, диакон нанес ему удар в затылок. Толкнув слугу, диакон не смог удержаться на ногах и во время этого удара полетел со стены вниз, ухватившись при этом за платок, что висел у епископа на поясе. Епископ полетел бы вместе с диаконом, если бы аббат мгновенно не удержал его за ноги» [1, кн. X, гл. 14]. Другой епископ довёл себя до белой горячки, так, что не узнавал своё окружение [1, кн. X, гл. 31], третий задохнулся во сне от выпитого и т.д. и т.п. Интересно то, что подобная невообразимость характерна для людей богатых и высокопоставленных.

Пьянство и обжорство являются не единственными пороками власть предержащих. «Книга истории франков» рассказывает о епископах Салонии и Сигиттарии, которые «не занимались вопросами веры как епископы, но как тираны погрязли в убийствах, грабежах чужого добра, разврате. И их порочность дошла до того, что напали с вооруженной толпой на Виктора, предстоятеля Трикастинов (*совр. Сен-Поль-Труа-Шато – И.К.*), когда тот праздновал день своего посвящения в сан. Содрав с него одежду, избив и разогнав слуг, захватили всю столовую утварь, оставив самого предстоятеля одного в таком поругании» [4, кн. III, гл. 27].

Небезынтересным применительно к данному случаю представляется одно из установлений Орлеанского собора 511 года, а именно канон 6, запрещающий всем епископам рукополагать в священники свободного человека без согласия короля. Церковники таким образом выводились из сферы военной службы, и королям не хотелось, чтобы свободные люди могли на этом основании по собственному желанию избавляться от нее. Поэтому церковь в ту эпоху была наполнена людьми низкого происхождения и неграмотными: она набирает в свои ряды преимущественно собственных своих рабов, крепостных и колонов своих владений [17, т. 1, с. 233–234], что предполагает соответственные выводы о нравственном облике тогдашних священнослужителей. По словам А. Пиренна, католицизм в северной Галлии не пережил римских поселений, на базе которых он вырос и которые в своём крушении увлекли его за собой. Оставшееся здесь духовенство историк небезосновательно характеризует как «полуварварское» и даже связывает проповедь Евангелия в этих землях не с ним по причине его нравственной неспособности, а с пришлыми миссионерами [18, с. 20].

Отношение к морали половой и супружеской также показывает франкское общество как пока ещё типично варварское, и служители церкви ничем не выделяются на общем фоне [1, кн. II, гл. 1; кн. V, гл. 18 и др.]. Впрочем, «свободный» образ жизни не должен удивлять: как известно, обет целомудрия появляется в период монастырских реформ XI–XII веков, а теория трех обетов – только в XIII веке, но даже и в это время целомудрие не считалось естественным состоянием человека. Св. Бернар, как известно, утверждал, что целомудрие превращает человека в ангела. Онтологически человек не преобразуется, оставаясь самим собой, но в противоположность ангелам, целомудрие коих является естественным состоянием, человеческое целомудрие может быть только плодом дерзновенных усилий добродетели. Сказанное Бернар распространил и на другие добродетели, в частности на смирение, которое, по его утверждению, гораздо более похвально, чем девственность, ибо смирение – это заповедь, тогда как целомудрие – только совет [19, с. 19].

И если уж этому совету не слишком рьяно следовали даже священники, то что уж говорить о представителях светского общества. Уже хрестоматийным является рассказ о женитьбе королевы тюрингов Базины и Хильдерика: «И вот во время их правления та Базина, о которой мы упоминали выше, оставив мужа, пришла к Хильдерiku. Когда Хильдерик, озабоченный этим, спросил о причине ее прихода из такой далекой страны, говорят, она ответила: «Я знаю твои доблести, знаю, что ты очень храбр, поэтому я и пришла к тебе, чтобы остаться с тобой. Если бы я узнала, что есть в заморских краях человек достойнее тебя, я сделала бы все, чтобы с ним соединить свою жизнь» [1, кн. II, гл. 12]. Для заключения брака либо развода чаще всего хватало устного объявления.

Подобный же образ жизни характерен и для большинства простого люда, для которого, очевидно, религиозные запреты не приобрели ещё оттенков моральности – аморальности, характерных для более поздних времён: франки пьют, развратничают, убивают, воруют даже из церквей [1, кн. II, гл. 22], не испытывая никакого пиетета к священническому сану, а нарушение закона для них – это всего лишь вопрос штрафа, но не нравственности.

Тем не менее нравы общества VI столетия уже не совершенно варварские, и самый, пожалуй, яркий индикатор перемен мы наблюдаем в изменении статуса королевской власти, причём складывается совершенно определённое ощущение, что это происходит не в результате романизации варваров и восприятия первыми Меровингами позднеримских традиций, а на совершенно иной основе: потомки Хлодвига целенаправленно, методом проб и находок строят свою собственную систему.

Уже при детях Хлодвига Великого мы видим не просто толпу служителей, а зачатки самого настоящего королевского двора. Так, у детей Хлодомера есть воспитатели, которые не равны слугам [1, кн. III, гл. 18]. Воспитатель юного короля Гогон занимает такое положение, что оказывает покровительство священникам [1, кн. V, гл. 46]. При дворах франкских королей имеются графы королевской конюшни, конюшие и казначеи [1, кн. V, гл. 39; кн. IX, гл. 38], постельничие [1, кн. VII, гл. 18; кн. X, гл. 10], рефендарии [1, кн. IX, гл. 38], и т.д., и т.п., причём служба королю неплохо оплачивается. Рассказывая о

некоем Эберульфе, постельничем, попавшем в опалу вследствие участия в заговоре, Григорий Турский пишет: «Имущество самого Эберульфа было роздано разным людям. Золото и серебро, и другие драгоценности, которые у него были, король конфисковал. То, что у него было от других людей, было отдано в государственную казну. Даже отобрали табун лошадей и стадо крупного и мелкого рогатого скота. Дом же, стоящий внутри городских стен, отнятый им у церкви, полный хлеба, вина, сала и многих других вещей, разграбили, оставив лишь голые стены» [1, кн. VII, гл. 22]. Марилейф, бывший первый врач при дворе Хильперика, после смерти своего господина лишился лошадей, золота, серебра и прочих драгоценных вещей, а ведь до своего возвышения он был всего лишь сыном раба [1, кн. VII, гл. 25].

Конечно, на общем фоне эти изменения в нравах и повседневной жизни малозаметны, касаются ничтожно малой части населения и заметны в первую очередь в усложнении структуры двора и характера самого служения монарху, и именно они и попадают во внимание историков-современников [20, с. 36–68]. Очевидно, что формирующийся институт королевской власти старается отличиться, выделиться на общем фоне хотя бы наносным благочестием и порядком.

Список литературы:

1. Григорий Турский. История франков. М.: Изд-во «Наука», 1987. 464 с.
2. Хроники Фредегара. СПб.: Изд-во «Евразия», 2015. 464 с.
3. Лже-Фредегар // Хроники длинноволосых королей / под ред. Н. Горелова. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2004. 352 с.
4. Liber historiae Francorum // Monumenta Germaniae Historica. Vol. II. Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888. P. 215–328.
5. Сидоний Аполлинарий. Письма // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М.: Наука, 1970. С. 93–101.
6. Рихер Реймский. История. М.: Изд-во РОССПЭН, 1997. 336 с.
7. Venantius Fortunatus. Vita Sanctae Radegundis // Monumenta Germaniae Historica. Vol. 1. Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888. P. 364–377.
8. Данилова Г.М. Возникновение феодальных отношений у франков VI–VII вв. Петрозаводск: Изд-во «Госиздат Карельской АССР», 1959. 260 с.
9. Горбачёва Л.М. Костюм средневекового Запада. М.: Изд-во «ГИТИС», 2000. 232 с.
10. Захаржевская Р.В. История костюма. М.: Изд-во «Рипол классик», 2005. 288 с.
11. Брун В., Тильке М. История костюма от древности до Нового времени. М.: Изд-во «ЭКМО», 1996. 264 с.
12. Лебек С. Происхождение франков V–IX вв. М.: Изд-во «Скарабей», 1990. 352 с.
13. Салическая правда / пер. Н.П. Грацианского; под ред. В.Ф. Семенова. М.: Изд-во: «Образцовая тип. им. Жданова», 1950. 168 с.
14. Венанций Фортунат. О поваре, который отнял у него челн, 10 // Венанций Фортунат. Избранные стихотворения. Кн. VI, I. М.: Изд-во «Водолей», 2009. С. 100–104.
15. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: ИД «Прогресс» «Прогресс-академия», 1992. 376 с.

16. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: Изд-во «Александрия», 2009. 279 с.

17. Гизо Ф. История цивилизации во Франции. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006. В 4-х т.

18. Пиренн А. Средневековые города Бельгии. СПб.: Изд-во «Евразия», 2001. 512 с.

19. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X–XV века). М.: Изд-во «Молодая гвардия», 2002. 352 с.

20. Старостин Д.Н. Между Средиземноморьем и варварским пограничьем: генезис и трансформация представлений о власти в королевстве франков. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 224 с.

THE DAILY LIFE OF FRANKS ACCORDING TO WRITTEN SOURCES AT THE TIME OF GREGORY OF TOURS: CLOTHING, MILITARY AFFAIRS, URBAN LIFE AND CUSTOMS

© 2019

Kazakov Igor Valentinovich, candidate of historical sciences,
associate professor of World History, Law and Methods of Teaching Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. This paper is a logical continuation of our paper «The daily life of Franks according to written sources at the time of Gregory of Tours, I: diseases, medicine, hygiene and food». This paper is an attempt to collect and systematize information about the material conditions of life in the Frankish state of the Merovingians in the 6th century in the descriptions of contemporary authors. The choice of the topic is due to the need to compose a complete picture of a person's life from the beginning of the early Middle Ages, which until now has remained poorly researched, unlike the Carolingian period. The sources used are the writings of Gregory of Tours, Venantius Fortunatus, Apollinaris Sidonius, The Chronicle of Fredegar, «The History Book of the Franks» and others. The paper collects data on the clothes of various population groups, on the weapons and armor of the Franks and the level of military affairs development, on cities and urban life, and some features of the mentality of so far half barbaric society. The collected material allows us to state that: a) the sources of the early Merovingian period, in contrast to the Carolingian era, are distinguished by the extreme scarcity of data in the field of genesis; b) despite a rather primitive look of clothing, it possessed considerable material value, as well as it had a significant essence, c) Roman cities continued to exist on the territory of Gallia, but largely lost their urban character, turning into fortified centers, and c) Christianization had very little influence on the moral character of the Franks; society remained largely barbaric, although some features indicate the beginning of the formation of a new civilization.

Keywords: Merovingians; Gregory of Tours; Fredegar; Venantius Fortunatus; The History Book of the Franks; daily life; Frankish state; early Middle Ages; clothes; weapons; warfare; early medieval city; urban life; food in Middle Ages; The Salic law; material conditions; VI century.

* * *

УДК 94(47).04

DOI 10.24411/2309-4370-2019-14209

Статья поступила в редакцию 05.09.2019

КРЕПОСТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

© 2019

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
(г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности начального этапа развития волжских крепостей-городов (Самары, Саратова и Царицына), построенных во второй половине 1580-х гг. князем Г.О. Засекиным. Поставлена задача рассмотреть процесс формирования их градостроительного облика, оборонительных сооружений и состава жителей в конце XVI – начале XVII в. Источниковую базу исследования составляют архивные и опубликованные нарративные, актовые и прочие источники. Использован широкий круг исследований, в основном последних десятилетий. Сделан вывод, что вплоть до завершения Смутного времени население волжских городов-крепостей состояло из служилых людей и членов их семей. Рассматриваемые поселения выполняли как военную, так и торгово-промышленную функции на волжском пути, но фактически все они являлись крепостями. Их гарнизоны в основном снабжались государевым «хлебным и денежным жалованьем» и не имели возможности обеспечивать себя за счет промысловых и других занятий. События Смутного времени способствовали глубокому кризису в жизни волжских городов, гибели Саратова и Царицына. Только после завершения Смуты происходит их восстановление и обустройство в них посадского населения, становление новой системы укреплений.

Ключевые слова: Юго-Восток Европейской России; Волга; Самара; Царицын; Саратов; города-крепости; остроги; Смутное время; воеводы; военные гарнизоны; служилые люди; стрельцы; продовольственное обеспечение; посадское население; кремль-детинец; слободы; монахи-кармелиты; Федот Котов; голштинское поольство; Адам Олеарий.